

Цзян Лоло снился кошмар. Ему виделось, будто за ним гонится огромный пёс, и как бы он ни пытался убежать, тот не отставал ни на шаг.

В пояснице и ногах поселилась такая тяжесть, словно по нему проехал многотонный грузовик. Юноша недовольно забормотал во сне и, повинаясь инстинкту, прижался ближе к источнику тепла, нырнув в чьи-то горячие объятия.

Фу Тинчуань, пребывающий в своём облике покорного зятя-примака, замер, боясь даже вздохнуть. Он во все глаза смотрел на юношу, который так настойчиво пытался к нему прижаться.

Мужчина совершенно не понимал, как он, заснув в гостевой спальне, внезапно оказался здесь.

«И что более важно — почему я обнимаю Цзян Лоло?!»

«Неужели я настолько потерял голову от вожделения, что притащился сюда ночью во сне и без спроса забрался в его постель?»

Солнечный свет пробивался сквозь зазоры в шторах, высвечивая на полу разбросанные в беспорядке использованные средства защиты. Фу Тинчуань с ужасом осознал, что в порыве страсти совершенно не знал меры — судя по количеству улики, он был ненасытен.

Его пальцы невольно коснулись нежной линии талии Лоло, и Фу Тинчуань почувствовал, как лицо вспыхнуло до самых корней волос. Жар опалил даже шею.

Лоло снова перевернулся. Ему явно стало душно: он вскинул ножку, скидывая край одеяла, и его хрупкое тело предстало перед Тинчуанем во всей своей беззащитной красе.

Кадык на горле мужчины судорожно дёрнулся. Его собственное дыхание стало настолько горячим, что, казалось, могло обжечь. Мужчина резко отвернулся, в шоке не зная, куда деть взгляд. Единственное, что он смог сделать — это потянуть за край одеяла и бережно укрыть юношу с головы до пят.

Стоило ему улечься, как Лоло, словно почуяв тепло, снова последовал за ним. Он обхватил Фу Тинчуаня руками и ногами, будто маленький осьминог, и попутно снова спихнул одеяло в сторону.

Мужчине пришлось терпеливо натянуть его обратно. Как раз в тот момент, когда он укрыл юношу до самой груди, тот сонно потёр глаза и проснулся.

Голос Лоло, ещё не до конца очнувшегося от сна, звучал невероятно нежно и ласково:

— Муженёк...

Тинчуань, изо всех сил стараясь сохранить внешнее спокойствие, едва слышно выдавил:

— М-м.

Он приподнялся, чтобы получше подоткнуть одеяло, но юноша вдруг вздрогнул, словно ошпаренный кролик. Тот резко отпрянул назад, увеличивая дистанцию, и жалобно прохныкал:

— Мне больно.

Фу Тинчуань инстинктивно спросил:

— Где больно?

Едва слова сорвались с губ, он тут же пожалел о них — осознание реальности ударило в голову. Ну где ещё ему могло быть больно после такой ночи?!

Лоло перестал протирать глаза и замер, уставившись на него своими тёмными, блестящими глазами. Он обиженно надул губы, и его вид стал ещё более несчастным:

— Везде больно...

— Фу Тинчуань... — позвал он робко.

Юноша боязливо, словно пробуя почву, придвинулся чуть ближе и прошептал:

— Мне нехорошо... Я хочу, чтобы ты меня обнял...

Мужчина молча раскрыл объятия.

Лоло прильнул к нему и продолжил:

— Ты не должен... не должен больше так со мной поступать...

Глядя на его бледное личико, Фу Тинчуань почувствовал такую щемящую нежность, что сердце сжалось. Он привлёк юношу к себе и мягко коснулся ладонью его щеки.

— Больше не буду, — пообещал он тихим, чистым голосом.

«Я, должно быть, до смерти напугал свою маленькую жену», — мрачно подумал Тинчуань, хмурясь от собственной забывчивости. Почему он совершенно не помнит подробностей?

Лоло уткнулся лицом в его грудь, чувствуя себя бесконечно обиженным:

— Ты совсем ко мне не добр...

Хотя он и понимал, что сейчас перед ним «другой» Фу Тинчуань, но в конечном итоге обе личности делили одно тело. Все те грехи, что совершил властный босс, теперь легли на плечи этого спокойного мужчины.

У Лоло защипало в глазах от подступивших слёз:

— Я ведь говорил: «нет, не надо»... А ты совсем меня не слушал...

Фу Тинчуань начал мягко поглаживать его по спине. И хотя он не мог восстановить в памяти события ночи, он покорно признал свою вину:

— Прости меня.

Лоло поднял голову, его глаза, подёрнутые влажной дымкой, смотрели с нескрываемой мольбой:

— Я всё равно так просто тебя не прощу...

Дрожащий голосок, полный детской обиды, и затуманенный слезами взор заставили сердце Тинчуаня дрогнуть. Ему нестерпимо захотелось поцеловать эти глаза, но он побоялся напугать юношу ещё сильнее.

Лоло снова спрятал голову у него на груди и глухо пробормотал:

— Мне так плохо... То в жар бросает... то в холод...

Тинчуань нахмурился и коснулся его лба. Выражение его лица мгновенно изменилось.

— Почему ты такой горячий?!

Когда личный врач покинул виллу, Цзян Лоло сидел на руках у Фу Тинчуаня и пытался пить лекарство.

— Оно горькое...

Белоснежное личико сморщилось, и Лоло с негодованием уткнулся лбом в плечо мужчины, всем своим видом показывая, что пить эту гадость не намерен.

— Но если не выпьешь, тебе не станет лучше, — Фу Тинчуань ласково погладил его по голове, пытаясь уговорить. — Врач сказал, что после этого лекарства жар сразу спадёт, и наш Лоло перестанет мучиться.

Юноша кончиками пальцев коснулся чашки и подтянул её к себе, но, едва учуяв запах, снова скривился:

— Но оно правда ужасно горькое...

— Это всё из-за тебя... — пробормотал он.

Сейчас юноша походил на увядший цветок — такой же поникший и безжизненный.

— Если бы ты... если бы ты помог мне привести себя в порядок ночью, я бы точно не заболел...

Фу Тинчуань лишь тяжело вздохнул:

— Я не знал...

Он прижал Лоло к себе, чувствуя бесконечную жалость:

— Впредь я буду внимательнее.

Лоло понимал, что винить его не совсем справедливо, но в болезни люди всегда становятся ранимыми. К тому же в глубине души он всё ещё чувствовал обиду за ночное самоуправство «второго» Тинчуаня.

Этот Фу Тинчуань относился к нему слишком хорошо, всегда был готов утешить и побаловать, и Лоло невольно начал этим пользоваться, становясь всё более капризным.

— Давай так: Лоло делает глоток, и твой муженёк делает глоток вместе с тобой.

Мужчина баюкал его, словно расстроенную жену:

— Я разделю эту горечь с тобой. Так нашему Лоло станет хоть немного легче на душе?

Ресницы юноши дрогнули. Он поднял голову и бросил на Тинчуаня быстрый, недоверчивый взгляд.

На его розовых губах блестели капельки прозрачного лекарства. Лоло приоткрыл рот, пребывая в лёгком шоке от услышанного — он явно хотел убедиться, что ему не послышалось.

Фу Тинчуань тепло повторил:

— Я выпью с тобой. Так будет не так горько.

В сердце Лоло словно что-то кольнуло — мягко и в то же время ощутимо. Это было странное чувство, где-то между нежностью и виной.

Он опустил глаза. В глубине души зародилось сладкое, щемящее раскаяние.

«Ведь на самом деле я совсем не ценил его...»

Когда эта личность только пробудилась, юноша вёл себя с ним почти вызывающе. Заставлял мыть себе ноги, открыто грозился наставить рога, даже выпихивал на работу, лишь бы иметь деньги на карманные расходы...

А этот человек... Он забирал его домой в дождливые дни, укрывал своим плащом и всегда наклонял зонт так, чтобы ни одна капля не попала на Лоло. И даже сейчас он проявляет ангельское терпение, пытаясь его утешить.

Цзян Лоло никогда раньше не влюблялся.

Но теперь, под этим нежным, всепрощающим взглядом, находясь в этих тёплых объятиях, он вдруг ощутил нечто новое...

Нечто такое, что раньше представлял себе, только читая романы о любви.

Сердце в груди пустилось вскачь, словно в нём поселился испуганный оленёнок.